

Л. ГАЛИЧ

Прекрасная модель

Автор этой замечательной книги нельзя сказать, чтобы не пользовался известностью. Имя у него просто громкое. Нет такого гимназиста в России, в котором оно не будило бы самых веселых и приятных воспоминаний. Все знают, что это тот самый поэт, который вместо «аромат» говорит «вонь», вместо «страсть» — «ярь», вместо «берут» — «емлют» и на которого поэты так легко и удобно писать пародии¹. По пародиям его, собственно говоря, и узнали в так называемой большой публике. Подлинные же стихи и статьи этого поборника «всемирного искусства» читает, разумеется, не народ, а много-много человек двести. До всемирности — ух, как еще далеко.

В настоящее время в издании Императорского археологического общества в Петербурге печатается исследование Вячеслава Иванова «Desocietatibusvestigaliumpublicorumpopuliromani». Так как господа пародисты знают из латинской литературы только изречение Нины Петровской «Sanctusamor»^{* 2} и блестящий афоризм Шайкина (был такой классический репортер³ «mementomori»^{**}, то здесь для них поживы не будет. Но кто же из писателей наших мог бы напечатать исследование по-латыни? Никто, конечно, кроме Вячеслава Иванова. Кто может, с подлинника и размером подлинника, перевести первую пифийскую оду Пиндара, Бакхилидовы дифирамбы⁴ и т. д.? Никто, опять же, кроме Вячеслава Иванова. По объему воспринятой в себя культуры этот человек, знающий, кроме древних, еще пять или шесть новых языков

* Святая любовь (*лат.*).

** Помни о смерти (*лат.*).

и *литератур*, свободно и везде кстати цитирующий Платона и Аристотеля, с одной и той же, можно сказать, филологической основательностью пишущий монографии о Дионисе, «Цыганах» Пушкина, «Острове» Байрона, гимнах Шиллера, французском Парнасе⁵ — по собранным, с громадною восприимчивостью и прямо изумительным трудолюбием, культурным богатствам этот человек в нашей русской современной литературе первый и единственный в своем роде. О нем можно повторить то, что сам он высказывает о Ницше:

«Чтобы обрести Диониса, он должен был скитаться по Элизию языческих теней, и беседовать с эллинами по-эллинически, как умел тот, чьи многие страницы кажутся переводом из Платона... Нужно было, чтобы будущий автор “Рождения трагедии” имел наставником Ричля⁶ и критически анатомировал Диогена Лаэртия или поэму о состязании Гомера и Гесиода»⁷.

Боже мой, до какой степени автобиографические слова! До какой степени похожи они на признание — на признание своей близости к Ницше, глубокого родства с ним; но только — с Ницше «подготовительного периода»; с Ницше, восхищавшимся Вагнером, читавшим лекции по греческой философии и услаждавшимся литературной игрой в пессимизм; с Ницше — автором «Рождения трагедии», но отнюдь не «Заратустры», «Антихриста», даже не «Веселой науки», даже не памфлета о Штраусе⁸, словом — с Ницше той начальной эпохи, когда трагический впоследствии мыслитель был только замечательным литератором. Любопытно, что в глазах «конгениального» русского исследователя Ницше так и остался литератором: всего только «провозвестником Диониса». О том подвиге, который был совершен «бедным жертвенным животным» Ницше *вне литературы*, независимо от всех филологий и Дионисов, — Иванов не желает даже задуматься. Здесь кончается его «конгениальность».

Ну, что делать. *La plus jolie fille ne peut donner que ce qu'elle a*⁹.*

Ницше имел в России двух последователей, двух толкователей: Льва Шестова и Вячеслава Иванова¹⁰. Имею в виду последователей *серьезных*. О мелкой шустере, писавшей о Ницше, конечно, говорить не приходится. Очень любопытно и знаменательно, что, может быть, во всех книгах Шестова — о Дионисе упоминается всего-навсего два или три раза; да и эти два или три

* Самая лучшая девушка дает только то, что она имеет (*фр.*).

раза — вскользь, мимоходом. Тогда как нет страницы Иванова, где Дионис не мелькал бы до одурения. Что же? Одного из последователей притягивала *душа* Ницше; другого — литературные его теории. Каждый получил, что хотел. Один — незаменимые указания, как надо философствовать о трагедии; другой — готовую «философию трагедии» с Дионисом, Аполлоном и пр [очими], вполне отделанную и годную к пользованию.

Если стиль определяет писателя, то самые манеры Иванова, его перегруженность торжественностью, его изысканность, игра в архаичность, убивающая простоту пышность, погоня за пророческой темнотой — обличают в нем литературного ритора. Искусность, мастерство — несомненно. Все на месте: ассонансы и консонансы, перебои и затяжки дыхания, музыкальные подъемы и понижения. Самый тонкий, избалованный вкус не мог бы пожелать лучшего. Эту прозу можно пить маленькими глотками, как какой-нибудь душистый шартрез, смакуя и задерживая на языке каждую отдельную фразу. Для любителей, для знатоков, для гурманов — целый мир изысканных удовольствий. Быть может, даже — школа писательства, «академия», как говорят нынче¹¹. Но гурманов и любителей — горстка; учатся писательству единицы; общество, читатели, публика не пойдут в «литературную академию», — расследовать секрет виртуозности. Они — варвары; им подавай содержание. «Не расписывай, как надо летать; не води по мастерским и чертежным; пусти машину и лети в небо».

Книга Вячеслава Иванова — одна из тех прекрасных моделей, которые незаменимы в витрине, под сверкающим музейным стеклом, при блеске электрических дуг. Можно простоять час, любуясь на отделку подробностей. Но она не улетит к небу; не сорвется со своей полки, не сразится с облаками и бурей. Это сделают другие приборы — серые, тяжелые, безобразные, отстроенные в грязных сараях.

1909

